

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И СОСТАВ ПОДПОЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ И ПАРТИЗАНСКИХ ФОРМИРОВАНИЙ НА ТЕРРИТОРИИ КРИЧЕВСКОГО РАЙОНА МОГИЛЕВСКОЙ ОБЛАСТИ (аналитический обзор на основе документов Национального Архива Республики Беларусь)

Л. В. Ляхович, г. Минск

Исторический опыт человечества в 1939-1945 гг. еще долго будет являться предметом осмысления, переоценки и дискуссий. Особенно сильно это проявляется в последнее время, в связи с 60-летием окончания Второй мировой и Великой Отечественной войны. В данном контексте большое значение имеет появление новой информации – воспоминаний свидетелей тех событий, выявление архивных материалов и т. д.

О деятельности партизанских и подпольных формирований Кричевского района Могилевской области написано немного – кроме информации в справочных и энциклопедических изданиях и вышедшей недавно книге «Память» [1; 276-334], можно назвать воспоминания видного деятеля подпольного движения Могилевщины Г. А. Храмовича [2], а также очерки известного краеведа и директора Кричевского музея М. Ф. Мельникова [3]. Авторы указанных материалов широко использовали свидетельства современников, материалы сборников и энциклопедий, однако, к сожалению, в числе источников не фигурируют архивные документы. В данной статье сделана попытка ликвидировать этот пробел и создать социальный портрет подпольщиков и партизан.

Действительно, деятельность подпольных и партизанских групп достаточно хорошо известна, однако такие характеристики, как возраст, национальность, пути пополнения отрядов, образование, профессиональный состав несколько теряются на фоне боевых операций. Разумеется, анализируемая в статье информация по Кричевскому району не может считаться абсолютно типичной, каждый район имел свои особенности. Кричевский район не относился к территориям с большим количеством партизанских формирований (лесов было немного), и находился на границе с Россией, что придавало определенный оттенок менталитету населения. Тем не менее, разговор идет о конкретном явлении, направляемом из одного центра, в масштабах одной страны, в одинаковый для всех временной промежуток. Поэтому полученные данные могут в значительной степени проецироваться и на другие районы Беларуси.

Кричевское подполье представляло собой 4 подпольных партийно-комсомольских группы: на Кричевском цементном заводе и железнодорожном узле (руководитель – Гавриленко А. Я.), в самом г. Кричеве (руководитель – Каинов М. Г.), в деревне Ботвиновка (руководитель – Григорьев Б. Е.) и в деревне Костюшковичи (руководитель Давыденко С. С., а после его ухода в партизанский отряд им. Чапаева с июня 1942 г. – Григорьев Д. Е.). Подполье действовало с сентября 1941 по август 1943 г., насчитывая в своих рядах 67 подпольщиков, в том числе 7 коммунистов и 30 комсомольцев [4; лл. 1, 2]. Кроме того, на территории Климовичского и Кричевского районов действовала Михеевичская подпольная комсомольская группа (руководитель – Круподеров А. М.) в количестве 7 человек [5; лл. 1-6].

Основы подполья были заложены в июле 1941 г. в соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) «Об организации борьбы в тылу германских войск». Райком КПБ начал подбирать людей для ведения подпольной работы, готовить явочные квартиры, устанавливать пароли. но эта работа завершена не была. В августе 1941 г. в обкоме КПБ, который находился тогда в г. Костюшковичи, состоялась беседа секретарей ЦК КП(б)Б Пономаренко П. К., Эйдинова Г. Б. и Ганенко И. П. с группой ответственных работников. В результате в районе остался второй секретарь Кричевского райкома партии Реутский К. А. Он установил связь с группой из 12 военнослужащих Советской Армии, оставшихся на оккупированной территории (руководитель – военный инженер Виноградов Н. П.). У подпольщиков был радиоприёмник, они принимали сводки Совинформбюро, вели агитационную работу среди населения. Однако, несмотря на определенный успех такой работы, настроение у людей было подавленное, тем более что немцы упорно распускали слухи о взятии Москвы и даже собирались праздновать победу в Кричеве. Это было в конце сентября – начале октября 1941 г., поэтому подпольщикам пришлось активизировать заботу среди населения [4; л. 58]. Использовалась и такая форма работы с населением, как письма, которые писались от имени партизан тем, кого следовало предупредить от участия в пособничестве фашистам [4; л. 81].

В это же время были организованы две подпольные группы в Кричеве – на цементном заводе и железнодорожном узле. Работа подпольщиков хорошо известна и достаточно подробно описана в литературе – это распространение листовок и жодок Совинформбюро, сбор оружия, агитационная работа среди населения, диверсии на цементном заводе, взрывы на железной дороге, разведывательная работа, вербовка агентуры и многое другое. Таким же образом действовала подпольная группа г. Кричева под руководством М. Г. Каинова, поддерживающая через явочных Лазареву Л. Л. и Толкачеву М. С. и других связь с К. А. Реутским. С ним осуществляли связь также подпольные группы в деревне Костюшковичи и в Ботвиновском сельсовете. С января 1942 по июль 1943 г. стала действовать подпольная группа Михеевичского сельсовета Кричевского района. Руководителями её стал военнослужащий Советской Армии комсомолец Круподеров А. М., бежавший из трех фашистских лагерей – из-под Минска, Могилева и Мстиславля. Прибыв к себе на родину, в деревню Каренец Михеевичского сельсовета, он создает подпольную группу из местных комсомольцев, а затем устанавливает связь с руководителем партийно-комсомольского подполья кричевского цемзавода и железнодорожного узла Гавриленко А. Л.

Можно заметить, что механизм создания подпольных групп, подбора их руководства и установления связей был в основном стандартным – группы возглавляли коммунисты и комсомольцы, их деятельность координировалась партийным руководством на местах.

Было бы интересно провести социальный и возрастной анализ состава подпольных групп. Возрастная стратификация выглядит следующим образом:

Всего по списочному составу членов подпольных групп – 75 человек; данных на одного человека нет, известно только, что он военнопленный, поэтому в дальнейших расчетах принимается численный состав в количестве 74 чел.: мужчин – 66, женщин – 8. Из них: до 16 лет – 22 чел. (29,72 %) при этом: 1 подросток 10 лет, 1 подросток 12 лет и 3 подростка 13 лет; 17 – 25 лет – 22 чел. (29,72 %); 26 – 35 лет –

19 чел. (25,67 %); 36 – 40 лет – 4 чел. (5,40 %); старше 40 лет – 7 чел. (9,45 %) [4; лл.25-50].

Из полученной информации можно сделать следующие выводы: подпольщики – это в основном молодые люди: 59,44 % составляла молодежь до 25 лет. Подростки не были призваны на военную службу, поэтому они, таким образом показывая свою гражданскую позицию, составляли значительную численную прослойку в подпольном движении. Из 22 человек категории 17– 25-летних, в подполье попали следующим образом: 6 женщин; 4 мужчин остались работать на предприятиях, из них один для последующей организации подпольной работы; трое не достигли к моменту призыва в армию 18 лет. Оставшиеся 9 человек – военнослужащие, бежавшие из плена и окружения. Из 19 человек 26 – 35 лет в подполье пришли: 7 – из попавших в окружение и бежавших из плена; 2 женщины; 1 оставлен для подпольной работы; 1 демобилизован по болезни, 8 человек на время оккупации не были призваны, из них 2 вернулись на проживание к родным. Относительно возрастной группы от 35 лет и старше, составляющей 11 человек, можно сказать следующее: из 4 человек 35-40-летних: 1 военнопленный, 1 женщина, 1 не был призван и работал в Кричеве, 1 не был призван и приехал к родственникам. Из 7 человек старшей категории 5 не призванных, 2 из плена и окружения. Таким образом, подполье пополнялось в значительной степени молодежью допризывного возраста (25 из 74 человек, 32,12 %), военнопленными и вышедшими из окружения (19 человек, 25, 67 %), а также оставшимся местным населением, учитывая женщин (29 человек, 39,18 %). В условиях мобилизации и военного времени такая картина далеко не случайна.

Из 74 человек, состоявших в подполье, 58 (78,37 %) – местное население (жители г. Кричева и населенных пунктов Кричевского района). Неместное население – граждане России (8 чел.), и жители других областей и районов Беларуси (8 чел.); по национальному составу – 65 – белорусы, 8 русских, 1 украинец. По партийной принадлежности – 37 комсомольцев (50 %), 4 пионеров, 4 членов и кандидатов в члены ВКП(б), 29 беспартийных (39,18 %). По уровню образования: 11 чел. (14,86 %) – начальное, 4 учащиеся средней школы, остальные 7 присутствуют во всех возрастных группах; 37 (50 %) – неполное среднее, 20 (27,02 %) – среднее, 5 – высшее, 1 – незаконченно высшее. Учитывая большое количество молодежи, еще не закончившей учиться, и уровень образования в СССР в довоенное время, можно рассчитать такие показатели как закономерные [5; лл.1,2].

Таким образом, из проведенного анализа вырисовывается социальный портрет подпольщика – это или молодой человек, часто еще не окончивший среднюю школу или воин Советской армии, военнопленный или попавший в окружение, или не призванный в армию. Есть и женщины – подпольщицы, но их очень немного. Необходимо заметить, что в огромном большинстве подпольщики – это местные жители, а подпольные группы были практически национально однородными. Основная масса подпольщиков – комсомольцы и беспартийные, но присутствие коммунистов было также необходимо по причине партийного руководства. Профессиональный состав подпольных групп весьма разнообразен. Это представители рабочих специальностей (кузнец, тракторист, механик, столяр и т. д.) – 11 человек; военнослужащие – 6 человек, руководители среднего звена (техники, бригадиры, зав. складом и т. д.) – 5 человек. Среди подпольщиков были 3 преподавателя и 1 учитель; 5 руководителей предприятий и организаций; 2 медсестры и 1 фельдшер, а также капитан речной флотилии, дирижер филармонии, заместитель

прокурора района. Можно сказать, что в подполье были представлены практически все социальные группы.

Трагическая судьба Кричевского подполья достаточно хорошо известна – оно было разгромлено в результате предательства провокатора Макаренко, который, служа у немцев, смог войти в доверие к подпольщикам. Их арест, попытка побега и казнь могут являться предметом особого рассмотрения, тем более что есть возможность уточнения материала в соответствии с архивными источниками. Уцелевшие подпольщики после разгрома группы практически все ушли в партизаны; в частности, в отряд № 48.

Документы свидетельствуют, что в период Великой Отечественной войны на территории Кричевского района действовали следующие партизанские соединения: 3-й отдельный отряд (214 чел.), 720-й отдельный отряд (297 чел.), 48-й отдельный Кричевский отряд (204 чел.), 48-й отдельный Пропойский отряд (302 чел.), отдельный отряд Ананова (22 чел.), отдельный отряд «Чапай» (34 чел.), отдельный отряд «Анатолия» (32 чел.), «Четвертые», или отряд «Кочубей» (24 чел.), отдельный отряд «Алесья» (33 чел.), отдельный отряд «Валентина Майорова» (30 чел.), партизанский отряд «Другие» (29 чел.), партизанский полк «Тринадцать» (2169 чел.) [1; 313-318] – всего 3390 человек. Для 8 из 12 указанных формирований численность указана на момент соединения с частями Красной армии или выхода в тыл, а для 4 – на момент создания. Ареал деятельности отрядов значительно превосходил Кричевский район, охватывая Шкловский, Горечинский, Дрибинский, Костюковичский, Кличевский, Краснопольский, Чаусский, Пропойский, Мстиславский, Круглянский, Бельничский, Климовичский, Мстиславский и другие районы, а также Смоленскую, Минскую, Витебскую и Гродненскую области.

Каким образом формировались отряды? 5 из 12 отрядов комплектовались из военнослужащих, работников госбезопасности и внутренних дел. Это отряд Ананова (партийный актив Кричевского района и бойцы Климовичского истребительного отряда), «Чапай» (военнослужащие, не вышедшие из окружения), «Четвертые» или отряд «Кочубей» (служащие 4-го Управления НКВД СССР, 60 % из них пограничники), «Другие» (слесарный отряд НКГБ БССР). Это естественно, если учитывать специфику их деятельности – разведку, диверсии, работу с агентурой, наблюдение за населением и т. д. Сказанное свидетельствует об известной специфике партизанских формирований по сравнению с подпольными. Оставшиеся 7 отрядов комплектовались более традиционно – оставленные в зоне оккупации партийными органами люди формировали группы вокруг себя. На основе Кричевского подполья был создан уже упомянутый отряд № 48.

Представляет интерес социальный состав отрядов. Можно рассмотреть в качестве примера отряд № 48. Всего – 204 чел., из них мужчин – 188, женщин – 16. По национальности: белорусов – 93, русских – 93, украинцев – 20, поляков – 1, других (упоминаются грузин, мордвин и даже француз) – 7. По профессиональному составу: колхозников – 59, рабочих – 55, военнослужащих – 19, учащихся – 22, служащих – 27, учителей – 29, ИТР – 4, врачей – 1, агрономов – 1, председателей колхозов – 1, советских работников – 1, директоров предприятий – 1, партработников – 2, работников НКВД и милиции – 2. Таким образом, «средний» партизан – это белорус или русский, рабочий или колхозник, хотя служащие, интеллигенция и учащиеся занимала не малое место. Партийный состав выглядит так: беспартийных – 114, комсомольцев – 59, членов и кандидатов в члены ВКП(б) – 31. В сравнении с подпольными организациями беспартийных больше, а руководство, как и в подполье, осуществляли коммуни-

ты и комсомольцы [6; лл 1-16]. Если анализировать возрастную стратификацию, то можно заметить следующее: от 26 до 45 лет – 102 чел. (50 %); от 18 до 26 лет – 85 чел. (12,7 %); подростки до 18 лет – 9 чел.; старше 45 лет – 8 чел. [6; л. 1]. Можно заметить, что в среднем партизан «старше» подпольщика.

Для сравнения можно обратить внимание на еще одно партизанское соединение – отряд «Анатолия» или «Анатолия – Таира». Этот отряд, небольшой по численности (32 чел. на день создания) был создан из воинов – окруженцев. Отряд не вел статистики, даже имя его организатора – Гришина Анатолия – является псевдонимом. Однако известно, что отряд вел самостоятельную работу и был интернациональным (сам руководитель отряда был татарин, среди членов отряда были украинец, казах, узбек; судя по именам, остальные были русскими и белорусами). По воспоминаниям населения, которое помогало отряду, все партизаны – люди молодые (19 – 30 лет) [7]. Указанная информация подтверждает вывод о партизанских отрядах как формированиях в гораздо большей степени интернациональных, чем подпольные, а средний возраст партизана был больше возраста подпольщика. Учитывая указанные выше пути формирования подпольных и партизанских отрядов, интернациональный состав Советской Армии, данное обстоятельство нетрудно объяснить.

При рассмотрении проблем партизанского и подпольного движения было бы весьма целесообразно делать акцент на социальных характеристиках участников этого движения. Это даст возможность конкретизировать уже имеющуюся информацию, приблизить исследователя к предмету изучения, а также выделить ранее не изученные аспекты.

Литература

1. Памяць: Гіст.-дакум. хроніка Крыўяўскага раёна.– Маладзечна: УП «Друкарня «Перамога», 2004
2. Храмович Г. А. Зарыв над Сожем.– Мн.: Беларусь, 1971.
3. Кричев: Ист.-экон. очерк / М. Ф. Мельников, Н. М. Морозова, И. Н. Соловьев и др.– Мн.: Беларусь, 1986.– С. 49-56. См. также: Мельников М. Ф. Атакующая юность.– Мн.: Беларусь, 1980.
4. НАРБ (Национальный архив Республики Беларусь), ф. 1394, оп. 1, д. 23.
5. НАРБ, ф. 1394, оп. 1, д. 25.
6. НАРБ, ф. 4332, оп. 1, д. 1.
7. НАРБ, ф. 4955, оп. 1, д. 1, лл. 1-9.

КАЛАБАРАЦЫЯНІСКІ ДРУК НА ВІЦЕБШЧЫНЕ ПАД ЧАС НЯМЕЦКА-ФАШЫСЦКАЙ АКУПАЦЫІ (1941–1944 гг.)

В. М. Шорац, г. Віцебск

Як вядома, кіраўнікі фашысцкай Германіі надавалі выключна важнае значэнне перыядычнаму друку ў палітычнай барацьбе і прапагандзе. Менавіта таму на ўсіх акупаваных тэрыторыях фашысты распаўсюджвалі выданні, якія друкаваліся ў Германіі, а таксама прымалі захады па арганізацыі мясцовага друку. Аб гэтым яскрава сведчыць сітуацыя, якая склалася на Віцебшчыне ў 1941-1944 гг. Насельніцтву горада і вобласці прапаноўваліся рускамоўныя газеты «Новое слово» і «Заря», якія выдаваліся ў Берліне, а таксама мясцовая газета – «Віцебскія ведамасці»- афіцыйны